

Этот Чжан Цзэ — идиот настоящий, невольно ставший пешкой в этой игре. Если бы его семья была хоть немного влиятельнее, Цзян Мэнлинь не стал бы с ним так грубо обращаться. Проблема была в том, что он совершенно не понимал своего места. Ведь чтобы быть чьим-то подручным, нужно обладать определенными достоинствами. Его глупое поведение дало Цзян Мэнлиню отличную возможность заявить о своей позиции.

Цзян Мэнлинь лучше, чем кто-либо, понимал будущее политическое развитие страны. Семья Цзян, которая сейчас казалась непоколебимой, на самом деле была подобна глиняному идолу. После недавних потрясений в стране мало кто возлагал большие надежды на старейшину Цзян. Те, кто действительно понимал, как сохранить себя, не стали бы из-за мелкого подручного Цзян Юэ создавать проблемы. Но Цзян Мэнлинь был другим.

Семья Бай... В прошлой жизни он достаточно тесно общался с Бай Шаофэном, чтобы понять их реальную власть. По тому, как много сторонников окружало Бай Шаофэна, можно было судить о статусе семьи Бай. Используя такого незначительного подручного, Цзян Мэнлинь смог ясно выразить свою позицию в столице, что, несомненно, успокоило бы старших в семье Бай относительно его дружбы с Бай Шаофэном.

Цзян Юэ, даже если был зол из-за потери лица, вынужден был смириться. Любой здравомыслящий человек понимал, что конфликт был вызван не только грубостью Чжан Цзэ. Чжан Цзэ явно стал жертвой, чтобы преподать урок другим.

Если бы Цзян Юэ из-за своей гордости отказался уступить, то в будущем, если бы с Чжан Цзэ что-то случилось, кто бы еще стал за него заступаться?

Цзян Юэ не был глуп. Цзян Мэнлинь был с ним вежлив, но он не стал воспринимать эту вежливость как слабость. Он давно это понимал, но не ожидал, что Цзян Мэнлинь окажется настолько жестким.

Не только он, но и группа молодых людей вокруг Бай Шаофэна была шокирована. С того момента, как Цзян Мэнлинь вошел в комнату вместе с Чжао Бао, он вел себя тихо и скромно. Честно говоря, кроме его вежливости, эти ребята не особо обращали на него внимание. Вежливость, конечно, приятна, но в таких обстоятельствах она казалась лишней.

И вот, в одно мгновение, этот застенчивый парень вдруг проявил себя, нагло ударив Цзян Юэ по лицу.

В Имперской столице только такие, как Бай Шаофэн, могли противостоять семье Цзян. Неужели Цзян Мэнлинь был не тем, кем они его считали? Неужели он не был никем?

Цзян Юэ долго размышлял, настолько долго, что Цзян Мэнлинь уже начал терять терпение и готов был действительно наступить на Чжан Цзэ. Наконец, Цзян Юэ с унижением произнес:

— Сегодняшнее дело — я плохо воспитал своих людей. Прошу тебя, Цзян, пощади его. Я обязательно приглашу тебя на обед и щедро отблагодарю!

Цзян Мэнлинь успокоился, удовлетворенно убрал ногу и с фальшивой улыбкой сказал:

— Цзян, что ты. Сегодняшнее дело — всего лишь недоразумение. Раз уж мы разобрались, лучше не оставлять неприятного осадка.

Он помахал рукой Бай Шаофэну, который, глядя на своего старого врага с горьким выражением лица, с трудом сдерживал смех. Он поднял с пола бутылку, на дне которой все

еще была кровь Чжан Цзэ. Цзян Мэнлинь налил три бокала: один протянул Цзян Юэ, другой оставил себе, а третий вручил дрожащему Чжан Цзэ, который лежал на полу и боялся пошевелиться:

— Прости, я немного переборщил. Извини?

Чжан Цзэ дрожал, бормоча «не стоит, не стоит», и взял бокал, пролив половину на свой воротник.

Цзян Юэ с раздражением выпил свой бокал и громко поставил его на стол, затем кивнул своим подручным, чтобы те подняли обессиленного Чжан Цзэ. Он бросил последний глубокий взгляд на Цзян Мэнлиня.

Цзян Мэнлинь ответил изысканной улыбкой.

— Пошли! — резко сказал Цзян Юэ, первым выйдя из комнаты.

Снаружи слуги вошли, чтобы убрать беспорядок. Бай Шаофэн вдруг громко рассмеялся и бросился к Цзян Мэнлиню, чтобы хлопнуть его по плечу.

Нельзя не признать, что поступок Цзян Мэнлиня сильно ударил по самолюбию Цзян Юэ. Его решительность пришлась по душе Бай Шаофэну, и теперь, когда его враг был унижен, Бай Шаофэн едва не поцеловал Цзян Мэнлиня в щеку.

Остальные молодые люди в комнате почтительно освободили центральное место для Цзян Мэнлиня. В отличие от первоначальной вежливости, на этот раз они искренне выразили свое уважение и принятие.

Цзян Мэнлинь внутренне улыбнулся. Кажется, результат превзошел его ожидания.

Избежав прикосновений Бай Шаофэна, Цзян Мэнлинь взял у Чжао Бао пачку сигарет и, отбросив притворство, начал курить. Бай Шаофэн сел рядом с ним, и после первоначальной радости в его сердце закралось беспокойство.

Цзян Мэнлинь не имел связей, это он знал. С самого начала, когда Бай Шаофэн не раскрывал своего происхождения, они нашли общий язык. Теперь, несомненно, Бай Шаофэн считал его другом. Происхождение Цзян Юэ Бай Шаофэн знал лучше, чем кто-либо. Даже он сам, сломав руку Цзян Юэ, вынужден был притвориться, что его наказали, чтобы сохранить лицо перед старейшиной Цзян. А теперь Цзян Мэнлинь...

Цзян Мэнлинь, услышав его беспокойство, спокойно улыбнулся. Прожив вторую жизнь, он уже не так сильно цеплялся за жизнь. Каждый прожитый день был подарком судьбы.

Но в этом деле он действовал не импульсивно.

Семья Чжан, хотя и была прихвостнем семьи Цзян, для посторонних казалась процветающей. Но Цзян Мэнлинь знал лучше.

Он, возможно, не был так искушен в политических интригах, как Бай Шаофэн и другие молодые люди из влиятельных семей, но у него было одно преимущество — он знал будущее.

Учитывая будущие события и недавние кадровые перестановки после собрания, Бай Шаофэн и другие могли не понять, но Цзян Мэнлинь был уверен: семья Чжан по неизвестным причинам

была отвергнута старейшиной Цзян.

Семья Чжан и так не имела реальной власти, а старейшина Цзян, со времен основания страны, был одним из самых осторожных политиков, уступая только Чжоу Лао и Дэн Лао. Он не был человеком, который действовал бы без разбора. Бай Шаофэн был наказан, потому что он слишком грубо задел самолюбие старейшины Цзян. В борьбе внутри партии семья Бай должна была занять определенную позицию, чтобы показать это старейшине Цзян.

Но Цзян Мэнлинь был другим. Во-первых, он не был инициатором конфликта.

Во-вторых, он ударил человека из семьи Чжан, а не Цзян Юэ.

Старейшина Цзян не стал бы из-за семьи Чжан делать что-то, что могло бы повредить его репутации. Возвращение Гонконга добавило ему очков в политической карьере, и с этого момента он должен был быть еще более осторожным.

Он не только не вмешался, но, скорее всего, постарался бы замять этот инцидент, чтобы осадить семью Чжан.

Ведь с тех пор, как старейшина Цзян пришел к власти, семья Чжан, пользуясь своими заслугами, стала слишком высокомерной. Старший сын семьи Цзян был умным человеком и держался подальше от этих проблем, как и его дед, отличавшийся хитростью.

Только Цзян Юэ, подстрекаемый Чжан Цзэ, продолжал создавать проблемы. Старейшина Цзян, вероятно, уже устал от этого.

Бай Шаофэн, хотя и не до конца понимал, что происходит, почувствовал, что уловил суть.

Цзян Мэнлинь, полулежа на диване, начал дремать. Кто-то протянул ему сигарету, и он, приподняв веки, увидел одного из активных парней в компании.

Тот с улыбкой поднес зажигалку, и Цзян Мэнлинь принял сигарету. В комнате снова оживились: кто-то пел, кто-то поднимал тосты. Цзян Мэнлинь оказался в центре внимания.

Он не упустил из виду отношение к нему Бай Шаофэна и Чжао Бао, что также сыграло важную роль. Можно сказать, что одним ударом бутылки он проложил себе путь к успеху.

Ночь была уже глубока, но улицы Имперской столицы по-прежнему бурлили жизнью. Выйдя из здания, Цзян Мэнлинь почувствовал холодный ночной ветер.

Через десять лет это место станет совершенно другим. Сможет ли он, как планировал, добиться всего, или снова будет обречен на печальный конец?

<http://bllate.org/book/16657/1526607>